

Копцева Н. П., Резникова К. В.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА С АССОЦИАТОМ «СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА» (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУППАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

***Аннотация.** Предмет исследования — гуманитарные аспекты обеспечения российской национальной безопасности, связанные с культурно-психологическими факторами формирования концепта «современная война» в социальной группе молодежи и студенчества на материале анализа результатов проведенного ассоциативного эксперимента. На основании теоретического разбора термина «современная война» выявлена актуальность уровневого анализа причин войны. Одним из наименее исследованных уровней является национальный (государственный) уровень, где формируется концепт «современная война». В статье представлено содержание концепта «современная война», реконструированное на основе эмпирического междисциплинарного исследования. Методология исследования носит интегративный характер. Базовый метод исследования — ассоциативный эксперимент по методике Назарова и Соколова, апробированный в современных российских исследованиях. Применялись также теоретические методы, связанные с аналитическим обзором современной научной литературы по тематике исследования, анализ концепта «современная война». Научная новизна исследования связана с применением метода ассоциативного эксперимента по отношению к студенческим группам Сибирского федерального университета. Результаты систематизированы, сделаны обобщающие выводы по поводу основного содержания концепта «современная война» в студенческой среде. Выявлены определенные культурно-психологические факторы, связанные с формированием образа современной войны в молодежной среде.*

***Ключевые слова:** национальная безопасность, культурно-психологические факторы, современная война, причины войны, уровневый анализ, национальный (государственный) уровень, ассоциативный эксперимент, концепт, студенчество, Сибирский федеральный университет.*

Введение

13 сентября 2014 г. в своей проповеди на мемориальном австро-венгерском кладбище в итальянском городе Репулья папа римский Франциск I сказал, что «Третья мировая война уже началась». Церемония, где прозвучало это заявление, была связана со 100-летием с начала Первой мировой войны. Франциск I характеризовал новую войну как «иррациональную», а причинами ее он назвал «жадность, нетерпимость, стремление продать оружие и жажду власти». Главные характеристики этой войны — постепенность, преступления, массовые убийства и разрушения¹. Папа римский Франциск I — это глобальный религиозный лидер, его слова не могут быть случайностью.

События на Юго-Востоке Украины и создание Исламского государства Ирака и Леванта многими экспертами трактуются как «предварительные войны», которые предшествуют вступлению в активную фазу мировой войны ведущих геополитических игроков, в том числе Соединенных Штатов, стран Евросоюза, России, Китая, Японии. Некоторые экономисты полагают, что нарастающий финансовый кризис может быть «снят» только «форс-мажорными» обстоятельствами, к которым, несомненно, относится «мировая война». Другие эксперты полагают, что однополярный мир, глобализация способствуют отсутствию военных действий на территориях развитых стран, стран первого мира, тогда как многополярный мир, даже двуполярный мир, неизбежно превращается в пространство постоянной войны как между ведущими экономическими субъектами, так и на периферии глобального мира, на границах государств, внутри государственных территорий, между этническими и конфессиональными группами.

¹ http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2014/09/140913_rn_pope_third_world_war.shtml?ocid=socialflow_facebook

Одновременно можно зафиксировать явную и неявную «религию войны» как в глобальной массовой культуре, так и в региональных культурных пространствах. Культовый певец, композитор и поэт Виктор Цой выразил эту «религию войны» в известнейших стихах: «Война — дело молодых, лекарство против морщин». Война — основа исторической культурной памяти каждой этнокультурной группы. Очевидно, что это связано с социальным опытом обособления этнокультурных групп друг от друга с помощью определений территориальных границ, а также с помощью идеологии превосходства своих социальных институтов над социальными институтами другой этнокультурной группы. Данное явление было проанализировано Эрихом Фроммом в книге «Анатомия человеческой деструктивности» и обозначено им как «социальный нарциссизм».

В. В. Минеев раскрывает сложную социальную диалектику двух мифологем «о святости жизни» и «абсолютной ценности человечества». В книге «Уход из жизни: социально-философский ракурс»² он показывает, что эксплуатируя эти мифологемы политики оправдывают всё, что угодно, поскольку данные мифологемы не имеют космически-природно-объективного обоснования. Этот же философ указывает, что отмена смертной казни стирает границу между противоправным и правообразным отнятием жизни и возвращает возмездие вновь на уровень народа, семьи, друзей³. Таким образом, современная война может иметь неожиданный источник: возмездие возвращается в форме войны, поскольку оно было лишено формы государственной смертной казни.

² Минеев В. В. Уход из жизни: социально-философский ракурс. — М.: Директ-Медиа, 2014, С. 142–144.

³ Там же. С. 133.

Определение войны

Война понимается как «крупномасштабное организованное насилие между политическими единицами»¹. Так определяет войну известный современный исследователь войны и ее причин Джек С. Леви (Levy, 1983; 1998)². В подобном же ключе войну определяет Джон Васквез (Vasquez, 2009)³. Война имеет специфику внутри других форм насилия. По отношению к меньшим формам насилия война отличается количеством убитых жертв. Минимальное количество жертв в войну составляет 1000 человек⁴.

В военно-политическом словаре «Война и мир в терминах и определениях»⁵ война определяется как «общественно-политическое явление, связанное с коренной сменой отношения между государствами и нациями и переходом противоборствующих сторон от применения невоенных, ненасильственных форм и способов борьбы к прямому применению оружия и других насильственных средств вооруженной борьбы для достижения определенных экономических и политических целей»⁶. Это определение достаточно обширное, дескриптивное, даже громоздкое.

Война здесь специфицируется не по отношению к другим формам насилия, а проти-

вопоставляется «не-насилию» в целом. Отсутствуют статистические признаки войны, а также ничего не говорится о минимальном количестве жертв насилия, чтобы определенная форма насилия могла бы получить название «войны». Также в этом определении делается акцент на технической стороне, упоминается оружие как атрибут военных действий.

Акцент на технической стороне войны — на применении оружия — делается и в других дефинициях войны, которые выстраивают отечественные исследователи⁷. Так, Г. В. Люткене суммирует достижения отечественной военной теории и создает интегративное определение войны как «двухстороннего вооруженного столкновения антагонистических противоположных сил, проявляющегося в массовости и широкомасштабности, несущего за собой человеческие жертвы и потери»⁸.

Очевидно, что понимание войны изменяется. Возможно, что общее понятие войны уже неактуально, поскольку в современной военной теории различаются «большие» и «малые» войны. Достаточно долгое время в фокусе исследований были «большие», «международные», «всеобщие», «великие», «глобальные» войны. Это войны, которые существенно изменяют международную структуру⁹. Джек С. Леви считает, что акцент на таких «гегемонистических» войнах связан с «европоцентричностью» исследований¹⁰. К. Дж. Холсти считает необходимым

¹ Levy J. S. The causes of war and the conditions of peace. *Annu. Rev. Polit. Sci.* 1998. 1: 141p.

² Levy J. S. *War in the Modern Great Power System, 1495-1975*. Lexington: Univ. Press Kentucky. 215 pp; Levy J. S. The causes of war and the conditions of peace. *Annu. Rev. Polit. Sci.* 1998. 1:139–165 pp.

³ Vasques J. A. *The War Puzzle Revisited*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

⁴ Singer JD, Small M. *The Wages of War, 1816-1965: A Statistical Handbook*. New York: Wiley. 1972. 419 pp.

⁵ Рогозин Д. О., Данилевич А. А., Лоскутов Д. В., Рогозин А. Д., Рогозин О. К., Семин В. В. *Война и мир в терминах и определения. Военно-политический словарь. Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: <http://www.voina-i-mir.ru/>*

⁶ Там же. Режим доступа к ресурсу: <http://www.voina-i-mir.ru/chapter/1>

⁷ Война. Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0>

⁸ Люткене Г. В. *Современные концепции войны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук.* — М., 2011. 175 с.

⁹ Rasler KA, Thompson WR. 1994. *The Great Powers and Global Struggle, 1490-1990*. Lexington: Univ. Press Kentucky. 275 pp.

¹⁰ Levy J. S. The causes of war and the conditions of peace. *Annu. Rev. Polit. Sci.* 1998. 1: 141p.

исследовать «войны низкой интенсивности» и «войны за идентичность»¹.

Современная война — сложный, многослойный культурный феномен. Аналитика современной войны предполагает уточнение, о какой войне идет речь. Затем этот тип войны анализируется и как объективный процесс, и как образ, на формирование которого оказывают существенное влияние культурно-психологические факторы. В свою очередь культурно-психологические факторы, влияющие на создание образа современной войны, связаны с культурной памятью, с языком, с символическими комплексами — хранилищами коллективных смыслов.

Современная война имеет причины, которые определяются как культурными универсалиями, так и культурной спецификой конкретной социальной группы, в том числе культурной спецификой нации, этноса.

Причины войны как теоретическая проблема

Причины войны исследуются в нескольких теоретических аспектах. *Первый аспект связан с ответом на вопрос: почему вообще есть война? В чем состоит необходимость войны?*

Чаще всего на эти вопросы отвечают указанием на агрессию как суть человеческой природы.

Так, сегодня все чаще (особенно в популяристических публикациях) появляются гипотезы о том, что агрессивное поведение, связанное с убийствами для защиты территории, на которой проживает определенное биосоциальное сообщество, свойственно не только людям, но, например, шимпанзе². В качестве

одного из главных выводов, которые сделали исследователи агрессивного поведения шимпанзе, звучит следующий: убийства прямо связаны с количеством самцов в группе и «плотностью проживания самцов на территории»³

Для объяснения причин «человеческой» войны также существует известная демографическая «теория преобладания молодых мужчин», основанная на принципе разделения труда. С точки зрения Гастона Батуа⁴, Джека Голдстоуна⁵, Гэри Фулера и Гуннара Хейнсона⁶, причиной войны является избыточное количество молодых мужчин, которые не имеют значимого наследства, по отношению к рабочим местам, которые они могли бы занять и которые считались бы для них приемлемыми в существующей в данном обществе системе разделения труда. Так, Гуннар Хейнсон вывел демографическую зависимость, которая является критической для данного общества: когда 30–40% населения принадлежат к возрастной группе от 15 до 30 лет. Как правило, данная демографическая пропорция возникает после демографического взрыва рождаемости. Хейнсон полагает, что для простого воспроизводства существующей и устоявшейся численности населения было бы достаточно, если бы на 1 мужчину и 1 женщину приходилось бы 2,1 ребенка. Увеличение количества детей по сравнению с этим ведет, с точки зрения социолога, к преступлениям, эмиграции, бунтам, революциям, гражданским войнам, геноцидам и завоеваниям (войнам)⁷.

³ Там же.

⁴ Bouthoul, Gaston: «L'infanticide différé» (deferred infanticide), Paris 1970

⁵ Goldstone, Jack A.: «Revolution and Rebellion in the Early Modern World», Berkeley 1991.

⁶ Gunnar Heinsohn. Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, Orell Füssli, Zürich, 2003.

⁷ Gunnar Heinsohn. Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, Orell Füssli, Zürich, 2003.

¹ Holsti K. J. 1996. The State, War, and the State of War. New York: Cambridge Univ. Press. 254 pp.

² Ученые: шимпанзе — природные убийцы. Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: http://www.bbc.co.uk/russian/science/2014/09/140918_chimp_killers.shtml

С. Хаттингтон в знаменитой книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) также опирается на «теорию молодых мужчин», объясняя активность исламских сообществ не столько особой харизматичностью ислама как религии, сколько демографическим процессом, связанным с ростом рождаемости в исламских сообществах и государствах. Выделяя 8 основных цивилизационных типов, С. Харрингтон полагает, что конфликты (войны) будущего будут возникать на границах цивилизаций, а не на границах государств¹. Он называет пять основных причин для этих новых войн: 1) фундаментальные различия между цивилизациями; 2) рост цивилизационного самосознания; 3) возрождение конфессиональной идентификации и самоидентификации взамен территориальной и этнической; 4) движение к «истокам», к «незападным» цивилизациям; явная «девестернизация» элит; 5) конфликт между культурными идентичностями; 6) складывание нового экономического регионализма². Уже Хаттингтон указывает на то, что конфликт цивилизаций не имеет государственно-территориальных границ. Он может протекать, например, как конфликт между христианским и исламским населением на Балканах, или как внутрииндийский конфликт между индусами и мусульманами. Хаттингтон предсказывает цивилизационные конфликты будущего, в том числе конфликт российского национализма и западного либерализма. Причем, это не столько внешний конфликт, полагает Хаттингтон, сколько внутренний, потому что элиты России расколоты. Часть из них попытается втянуть свое общество в границы западной цивилизации, но вторая часть будет

этому всячески противиться, создавая крайне враждебное отношение к себе уже со стороны западных элит³.

Главный прогноз Хаттингтона заключается в том, что против западной цивилизации будут последовательно выступать все остальные, незападные, цивилизации. Они хотят стать богатыми, иметь современные технологии, современное образование, современные профессиональные квалификации и современное вооружение, но при этом они захотят оставить и свою цивилизационную идентичность. До настоящего времени, полагает Хаттингтон, это удалось лишь Японии. Но Россия будет стремиться сделать то же самое. Спустя 7 лет после статьи Хаттингтона, опубликованной на русском языке, это важный прогноз начинает сбываться. И каждый день СМИ приносят нам новые доказательства правоты пророка «столкновения цивилизаций». Таким образом, столкновение цивилизаций на границах этих цивилизаций принимает не столько соревновательный характер, сколько конфликтно-военный.

Из событий недавней российской истории стоит вспомнить присоединение Крыма. Для российского народа присутствие военных, т. н. «вежливых людей», полностью легитимизировало процесс вхождения Республики Крым в число субъектов Российской Федерации. К культурным кодам российской нации в полной мере относится значение концепта «война» как обоснование важнейших внутренних и внешних политических событий. Война выступает не только поводом для разрушения и легализованных массовых убийств, война выступает импульсом к созданию новых производств, новых технологий, в том числе технологий производства производительных сил. Главнейшей же производительной силой выступает человек. Зачастую именно в воюющих обществах создаются новые прорывные медицинские технологии,

¹ Харрингтон С. Столкновение цивилизаций? Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>. Дата размещения: 20.01.2007.

² Там же.

³ Там же.

с помощью которых сохраняются жизни людей в ситуации тяжелейших биологических поражений тела и психики. Что касается психических последствий мировых, региональных и гражданских войн, то Ричард Габриэль исследовал их очень подробно в книге с символическим названием «Нет больше героев: безумие и психиатрия в войне»¹. Основная идея книги заключается в том, что до сих пор государства и нации считали военные убытки в денежном эквиваленте или в количестве убитых и раненых. Но какой ущерб приносят человеческие страдания, которые создает война? Ричард Габриэль утверждает, что психические расстройства военных, которые участвуют в реальных сражениях, гораздо более вероятны, чем физические ранения. Исследователи психиатрических последствий для американских участников сражений Второй мировой войны Stéphane Audoin-Rouzeau, Annette Becker полагают, что 98% воевавших нуждаются в психиатрической помощи разной степени. Думаю, что эта страшная пропорция одинакова для всех социальных организмов вне зависимости от этнокультурных принадлежностей.

Второй аспект исследования причин войны связан с ответом на следующие вопросы. ***Почему война возникает в данное время и в данном пространстве? Почему между этими двумя политическими единицами, а не другими? Почему именно в эпоху правления данных лидеров, а не других? Как способствовал войне данный культурно-исторический контекст?***

И, наконец, третий аспект исследования причин войны чаще всего закрепляется за исторической наукой. Он связан с ответом на ***вопрос о конкретных причинах конкретной войны.***

К. Н. Уолтц полагает, что главное объяснение для войны — это неупорядоченность

(он употребляет термин «анархия») международной системы² в отличие от упорядоченной внутривластной системы. С точки зрения К. Н. Уолтца в настоящее время не существует механизмов принуждения к прекращению войны, легитимных механизмов урегулирования межполитических межгосударственных споров, которые превращаются в войну. Анархизм международной системы, полагает Д. С. Леви, объясняет наличие чередования войны и мира, но не объясняет причины этого чередования³. Т.е. если анархизм присущ международной системе всегда, является постоянной величиной, то как тогда можно объяснить наличие мира, прекращение войны?

Точно такие же вопросы вызывает феминистские теории причины войны, которые объясняют войну господством патриархального типа обществ. Если патриархальные властные институты являются социальной константой, то они не объясняют фундаментальную причину войны. Как правило, феминистские исследования войны связаны с изучением последствий войны для женщин. Причины войны в феминизме определяются исходя из гендерного соотношения в обществе накануне войны, делается вывод о том, что патриархально устроенные общества неизбежно оказываются в ситуации войны. Эти идеи характерны для Джейн Эльштайн⁴, Синтии Энло⁵, Спайк Петерсон⁶, Кристина Сильвестер⁷.

² Waltz K. N. 1988. The origins of war in neorealist theory. J. Interdiscip. Hist. 18, p. 620.

³ Levy J. S. The causes of war and the conditions of peace. Annu. Rev. Polit. Sci. 1998. 1: 142 p.

⁴ Elshain J. B. Women and War. New York: Basic Books 1987. 288 pp.

⁵ Enloe C. 1990. Bananas, Beaches and Bases. Berkeley: Univ. Calif. Press, 100-. 244 pp.

⁶ Peterson V. S. 1992. Gendered States. Boulder, CO: Lynne Rienner. 1992. 225 pp.

⁷ Sylvester C. Feminist Theory and International Relations in a Postmodern Era. New York: Cambridge Univ. Press, 1994. 265 pp.

¹ Richard A. Gabriel. No More Heroes: Madness and Psychiatry In War. Hill and Wang; Reissue edition, 1988.

Джейн Эльштайн, несомненно, является классиком исследований гендерных ролей в войне. Она анализирует две основные гендерные роли: «мужчина — храбрый боец» и «женщина — миротворец». Выводы Джейн Эльштейн связаны с тем, что мужское поведение на войне — это поведение незрелого подростка, который не умеет отстаивать собственные интересы иначе, чем через драку, тогда как женское поведение на войне — это поведение зрелого человека-патриота, обладающего опытом взрослого, и поэтому такой тип поведения («опытного взрослого») более эффективен на войне.

Синтия Энло также полагает, что насилие есть аспект мужской гендерной роли, хотя субъектом насилия может являться не только мужчина. Она подробно раскрывает мужские гендерные механизмы при формировании Организации Объединенных Наций, а также при организации американской военной системы. С. Энло подробно раскрывает, как реализуются гендерные стереотипы мужественности в международных отношениях, в частности, в работе ООН, в международной торговле и т. д. Она делает вывод о том, что в международных отношениях реализуются, прежде всего, мужские гендерные интересы, тогда как права и проблемные ситуации женщин и девочек изначально считаются «несерьезными». С. Энло делает вывод о том, что без понимания целей и прав женщин в международных отношениях, нельзя делать полновесный вывод о том, что такое «мужественность» и о том, что международные политические отношения нуждаются не только в мужской этике, но и в женской.

Отдавая должное феминистским исследованиям войны, а также неореалистической концепции анархических причин войны, нужно заметить, что в этих исследованиях, как правило, война рассматривается в социальной статике, как нечто, свойственное всем социальным организациям, тогда как простые эмпирические исследования говорят о том,

что мирное состояние общества преобладает над военным. Следовательно, проблема заключается в понимании фундаментальной причины войны, которая «разрывает» мирное состояние социального организма и переводит его в военное состояние.

Для понимания этой фундаментальной причины нужно накопить сумму исследований, связанных с пониманием, какие конкретные формы анархии имела международная система непосредственно перед войной и какие конкретные формы гендерных сценариев существовали в тех патриархальных обществах, которые относительно «легко» переходили от мирного к военному существованию.

Уровневый анализ причин войны

Основателем уровневого анализа войны является Кеннет Нил Уолтц (1924–2013), известный исследователь международных отношений, политолог, автор политологической концепции неореализма (структурного реализма). Концепция неореализма, в частности, обосновывает устойчивость биполярного мира, а также раскрывает устойчивые формы (паттерны) международных отношений, в том числе, паттерны войн с помощью теории анархии международных систем. Неореализм исходит из того, что безопасность конкретного государства не нужна никому, кроме этого государства и его политического руководства. Усиление безопасности государства — это наращивание силы данного государства. И, следовательно, с наращиванием своей силы государство автоматически становится соперником, врагом, других государств. Кеннет Уолтц в связи с этим полагает, что межгосударственные конфликты и войны — это «вечная» или, по крайней мере, постоянно воспроизводящаяся сторона международных отношений. Таким образом, неореализм утверждает, что стремление к войне — это системное следствие биполярной международной системы. В одном из своих интервью,

опубликованных на русском языке в 2013 г., Кеннет Уолтц характеризует мирное состояние как состояние «упадка» государства, ссылаясь на мирное существование Афин и Спарты, когда на арену вышло такое государство как Рим¹.

Уровневый анализ причин войны был раскрыт Кеннетом Уолтцем в книге «Человек, государство и война» (1959), где он предложил классифицировать причины войны по их происхождению: индивидуальные, государственные и международные, которые сам Уолтц назвал объяснениями первого, второго и третьего порядка. В настоящее время существуют модификации этой схемы. Иногда индивидуальные и государственные причины объединяются, в связи с чем возникает двухуровневый анализ причин войны с выделением национального и системного (международного) уровней². Чаще всего вслед за более поздними работами самого Кеннета Уолтца (после его знаменитой «Теории международной политики» 1979 г.³) происходит разделение государственного (национального) уровня на уровень правительства и уровень общества⁴. Уровневый анализ причин войны сегодня господствует в теории международных отношений. Довольно большое количество научных дискуссий было связано с определением важности того или иного уровня для возникновения войны. Где возникает интегральное качество, которое приводит к войне: на уровне бюрократиче-

ской организации, на уровне международной системы, на уровне людей, принимающих политические решения или на уровне национальных сообществ?

На каждом уровне изменяется предметное пространство для анализа. *Системный уровень анализа* раскрывается через создание различных моделей международной системы и через анализ результатов функционирования данной международной системы. Если использовать схему *двух уровней* — *национального (государственного) и системного (международного)*, то анализируются стратегии взаимодействия государств. На *государственном (национальном) уровне* изучается внешняя политика государства. Индивидуальный уровень анализа причин войны раскрывает выбор, взгляды, предпочтения определенных личностей, имеющих возможность проявить политическую волю.

Характеризуя уровневый анализ причин войны, Джек Н. Леви справедливо замечает, что переменные величины, которые объясняют причину войны на данном конкретном уровне, не могут объяснить причину войны на другом конкретном уровне анализа. Переменные, которые мы нашли на разных уровнях, не имеют друг с другом причинно-следственной связи. Например, мы выяснили, какие убеждения и какой политический выбор конкретного человека привели к тому, что он принял решение о начале войны. Но это понимание вовсе не объясняет суть государственной стратегии во взаимоотношении с другим государством, являющаяся причиной войны на государственном (национальном) уровне. И хотя причины конкретной войны обязательно должны быть раскрыты на системном и государственном уровне, не обязательно окажется, что именно эти причины были самыми важными и решающими для начала данной войны⁵.

¹ Кеннет Уолтц. США ждет медленный упадок. Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: http://www.geopolitica.ru/article/kennet-uoltc-ssha-zhdet-medlennyu-upadok#.VDASWd_uSq

² Singer J. D. The levels of analysis problem in international relations. In *The International System: Theoretical Essays*, ed. K. Knorr, S Verba, pp. 77-92. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1961.

³ Waltz K. N. *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 pp.

⁴ Levy J. S. The causes of war and the conditions of peace. *Annu. Rev. Polit. Sci.* 1998. 1: 144 p.

⁵ Там же.

В настоящее время методология уровневой анализа причин современной войны находится в процессе становления, она тесным образом связана с предметом исследования. В данном исследовании акцент делается на национальном уровне, который конкретизируется для российского общества. Здесь возникают некоторые проблемные моменты:

1) российская нация находится в процессе становления, национальная культурная идентичность формируется в современных процессах российской идентификации и самоидентификации;

2) российская нация, как любое современное общество, — это сложный, многослойный социальный организм, различные элементы российского общества значительно различаются друг от друга; также по-разному они будут конструировать образ современной войны; следовательно, необходимо выделить конкретную социальную группу внутри современной российской нации и провести исследование по отношению к данной конкретной социальной группе;

3) необходимо различать некоторые объективные процессы, в которых российская нация уже задействована (глобальные экономические, политические процессы, собственно российские экономические и политические процессы, культурные процессы, связанные с исторической памятью, коллективным сознанием, коллективным бессознательным и т. д.), и коллективный образ, который складывается вокруг концепта «современная война».

Данное исследование посвящено не объективным процессам, а культурно-психологическим процессам формирования концепта «современная война». Это обуславливает выбор методики анализа — ассоциативного эксперимента. Кроме того, в многослойном социальном российском организме выбрана одна из самых интересных современных социальных групп — студенчество. Выбор студенчества предопределен тем, что в бли-

жайшем будущем эти люди будут самыми активными социальными акторами. Именно их действия, их активность определяют собой содержание нашего будущего, создадут социальный контекст разворачивания тех или иных значимых политических событий.

Ассоциативный эксперимент с ассоциатом «современная война»

Ассоциативный эксперимент, с помощью которого в настоящей работе предполагается изучить феномен современной войны, это метод, возникший еще в конце XIX века. По некоторым источникам, его первооткрывателем был английский ученый Ф. Гальтон. В 1879 году им была опробована придуманная самим методика, процедура которой состояла в следующем. Он написал 75 слов по одному на 75-ти карточках, отложив после этого их на несколько дней. По прошествии некоторого времени вернулся к карточкам, переворачивал каждую по очереди и записывал две ассоциации, первыми пришедшими в голову при прочтении слова. Полученные в ходе эксперимента результаты были уничтожены Ф. Гальтоном, поскольку раскрывали сущность мыслительных процессов настолько ясно, что не представлялось возможным найти соответствующую форму для их описания и публикации, которая бы их не замутнила.

К ассоциативному эксперименту в своей практике прибегал К. Г. Юнг с целью «достичь темной сферы человека»¹. Метод ассоциативного эксперимента он называл «словесными ассоциациями» или «ментальными ассоциациями» и полагал одним из трех средств, наряду с анализом сновидений и «методом активного воображения», для обнаружения архетипических образов коллективного бессознательного. К. Г. Юнг предлагал испытуемому перечень из ста слов, зачитывая

¹ Юнг, К. Г. Тавистокские лекции/ К. Г. Юнг. — Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269062729

по одному и фиксируя время, потраченное на написание ассоциации. Помимо временных характеристик К. Г. Юнг обращал внимание на реакцию, сопровождающую возникновение ассоциаций. Если пациент нервничал, запинаясь, К. Г. Юнг обращал особое внимание на стимул, вызвавший такую реакцию, полагая, что он есть свидетельство того, что испытуемый натолкнулся на комплекс. После проработки всех ста слов К. Г. Юнг повторял список снова, обращая внимание еще и на те слова-стимулы, реакции на которых не совпали в первом и во втором прочтениях. Всего за свою практику К. Г. Юнг обнаружил 12 типов нарушения реакции, которым и следовало уделять внимание: «Если вы хотите знать, что беспокоило этого человека, взгляните на слова, вызывавшие нарушения. Свяжите их, и у вас получится неплохая история»¹.

Психологи вслед за К. Г. Юнгом продолжают использовать ассоциативный эксперимент, но в современной науке он также применяется в лингвистике, социологии, политологии. Например, с помощью него можно узнать более правдивые настроения электората, чем те, которые демонстрируют обычные социальные опросы. Здесь можно упомянуть работу Е. Красовой, исследовавшей образы политиков федерального и регионального (Воронежская область) уровней с помощью направленного ассоциативного эксперимента (ассоциирование с птицами, цветами и литературными героями)²; а также статью Т. А. Бондаренко, занимавшуюся изучением восприятия правоохранительных органов³.

¹ Там же.

² Красова, Е. Специфика ассоциативного эксперимента в исследовании образов политиков / Е. Красова // Научно-культурологический журнал. — 2010. — № 13. — Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2706&level1=main&level2=articles>

³ Бондаренко, Т. А. Стереотип восприятия правоохранительных органов в Дальневосточном регионе / Т. А. Бондаренко // Социологические исследования. — 2006. — № 1. — С. 99–103.

Вместе с практикой применения ассоциативного эксперимента идет и его теоретизация: выделяются его разные виды (например, свободный и направленный), оговариваются характеристики выборки и др. Так, если касаться вопроса о выборке, исследователи полагают, что наиболее эффективно обращаться к аудитории молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет, «для которых язык стимулов является родным. Считается, что к этому возрасту в основном завершается формирование словарного запаса и языковых способностей личности. В психолингвистике отмечается, что у большинства людей эти качества остаются относительно стабильными на протяжении всей жизни»⁴. Хотя не следует забывать и о погрешностях, которые повлечет за собой обращение исключительно к молодежной аудитории. В частности, можно предположить, что при изучении феномена современной войны результаты, полученные в ходе работы с молодыми респондентами и респондентами-пенсионерами, различались бы, потому как у этих групп населения различные источники получения информации: у первых это прежде всего Интернет, у вторых — телевизор и печатные СМИ.

В настоящей работе ассоциативный эксперимент с фразой-стимулом «современная война» был проведен среди студентов-бакалавров и магистрантов СФУ гуманитарных и технических направлений подготовки. Всего в нем участвовало 100 человек. Было получено 892 ассоциации, то есть среднее число на одного человека — почти девять. Из общего числа ассоциаций количество нейтральных — 248 (27,80%), отрицательных — 573 (64,24%), положительных — 71 (7,96%). То есть отрицательных ассоциаций в 8 раз больше, чем положительных.

⁴ Паутова, Л. А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения / Л. А. Паутова // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). — 2007. — № 24. — С. 154.

Далее рассмотрим наиболее часто встречающиеся ассоциации. Они будут представлены в двух таблицах. В таблице 1 — ассоциации в том виде, в котором они были записаны респондентами; в таблице 2 представлены ассоциации, прошедшие первичную обработку, сгруппированные на основе ее по общим признакам. Например, в таблице 1 отдельно наличествуют ассоциации «информационная война» и «информация», в таблице 2 они представлены совместно. В таблицах представлены сами ассоциации, количество их повторений (а следовательно, и процентное соотношение с общим количеством респондентов, поскольку в эксперименте приняло участие 100 человек) и процентное соотношение с общим количеством ассоциаций 892 ед.).

Представленные в табл. 1 ассоциации можно сгруппировать по смыслу следующим образом:

Тип войны: **информационная** (22), **ядерная** (7). Более 20% респондентов полагают, что современная война — это война информационная, 7% — ядерная. Кроме того были перечислены следующие типы войн, ассоциирующиеся у студентов с современными войнами: война идеологий монархистов и либералов; война ислама и Европы; война математиков и гуманитариев; война между братьями; война не за территорию, а за лидерство; война полов; война технологий; война СМИ; война поколений; гибридная война; гражданская война; новостная война; религиозная война; секретная война; химическая война; экономическая война (каждая из войн была упомянута лишь одним респондентом), атомная война (2). В целом, процент полагающих, что современная война — ядерная, может быть увеличен за счет тех, кто назвал ассоциацию «атомная война» (2), а процент полагающих, что современная война — информационная — за счет назвавших войну СМИ и новостную войну.

Средства ведения современной войны: **СМИ** (16), **информация** (11), **оружие** (11),

ядерное оружие (10), **Интернет** (9), **атомная бомба** (7). Слова, составляющие данную группу, могут быть разделены на три категории: общее обозначение (оружие), средства ведения информационной войны (СМИ, информация, Интернет), средства ведения ядерной/ атомной войны (ядерное оружие, атомная бомба). Вторая и третья подгруппы позволяют понять, какое оружие имеется в виду: в первую очередь — информационное, во вторую — ядерное/атомное. В целом, разделение средств ведения войны на ядерные (18 упоминаний) и информационные (36 упоминаний) еще раз подтверждает, что два основных типа современной войны — информационная и ядерная. Основные средства ведения информационной войны, по мнению респондентов, это СМИ и Интернет. Можно предположить, что на долю Интернета приходится значительная доля упомянутых СМИ (9 из 16-ти), о конкретизации остальных на данном этапе интерпретации полученных данных говорить не представляется возможным.

Образ действий, характеризующий современную войну: **политика** (11), **санкции** (6), **конфликт** (5). Конфликт — это столкновение двух или более несогласных друг с другом сторон, он может послужить как началом войны, так и в принципе быть синонимом войны. Одно из возможных действий во время конфликта — это введение санкций, т.е. мер, направленных одной стороной против другой, обвиняемой стороны. Политика может пониматься в контексте данной группы в нескольких аспектах. С одной стороны, это деятельность, направленная на разрешение конфликта. С другой, это деятельность в интересах государства, могущая привести к конфликту. С третьей, в наиболее широком смысле, это деятельность, включающая в себя и введение санкций, и разжигание, и урегулирование конфликта.

Наименования государств: **Украина** (18), **Америка** (7). Почти каждый пятый респондент связывает современную вой-

Таблица 1. Наиболее часто встречающиеся ассоциации с фразой «современная война» (5 и более раз)

Ассоциация	Количество повторений, ед.	Процентное соотношение с общим количеством ассоциаций (892 ед.),%
Смерть	23	2,58
Информационная война	22	2,47
Украина	18	2,02
СМИ	16	1,79
Боль	14	1,57
Кровь	14	1,57
Страх	14	1,57
Информация	11	1,23
Оружие	11	1,23
Политика	11	1,23
Ядерное оружие	10	1,12
Глупость	9	1,01
Интернет	9	1,01
Ложь	8	0,90
Насилие	8	0,90
Разрушения	8	0,90
Убийства	8	0,90
Америка	7	0,78
Атомная бомба	7	0,78
Голод	7	0,78
Жертвы	7	0,78
Жестокость	7	0,78
Ядерная война	7	0,78
Санкции	6	0,67
Дети	5	0,56
Конфликт	5	0,56
Обама	5	0,56
Слезы	5	0,56
Страдание	5	0,56
Ужас	5	0,56

ну с военными действиями, ведущимися на территории Украины. США значительно реже ассоциируются с современной войной. Следует отметить, что помимо Украины и США респондентами упоминались в связи с современной войной Россия и Китай. Следовательно, другие государства в представлениях студентов не имеют отношения к современным войнам.

Политические деятели: **Б. Обама** (5). Наиболее часто по сравнению с другими политическими деятелями (Коломойский, Порошенко, Псаки, Путин, Яценюк) с современной войной у студентов ассоциируется президент США Б. Обама, но при этом респондентами не дается оценок его деятельности. Поэтому очевидно, что он втянут в современные

войны, но в качестве агрессора либо же миротворца, по результатам ассоциативного эксперимента судить сложно. Следует отметить, что практически все упомянутые студентами политические деятели оценены ими нейтрально, исключение составляет лишь В. Путин: из трех упоминаний одно окрашено положительно («Путин-молодец»).

Участники современной войны: **жертвы** (7), **дети** (5). Интересно, что наиболее частотными являются именно эти ассоциации, указывающие на пассивных участников современной войны, тех, кто подвергается ее воздействию. Ассоциации «воины», «солдаты», «генералы», «люди», «политики» встречаются реже. Следовательно, по отношению к современной войне оказываются значимы-

Гуманитарное обеспечение национальной безопасности

Таблица 2. Наиболее часто встречающиеся сгруппированные ассоциации с фразой «современная война» (5 и более раз)

Группа ассоциаций	Количество повторений, ед.	Процентное соотношение с общим количеством ассоциаций (892 ед.),%	Ассоциации, вошедшие в группу
Информация	38	4,26	Информационная война, информация, ложная информация, максимальная информативность, недостаток информации, переизбыток информации, перехват информации
Оружие	28	3,14	Бактериологическое оружие, биологическое оружие, без оружия, запугивание фантомным оружием, оружие, химическое оружие, ядерное оружие
Смерть	27	3,03	Бессмысленная смерть, массовые смерти, много смертей, смерть, смерть молодых
Ядерный	23	2,58	Ядерная угроза, ядерные бомбы, ядерная война, ядерная зима, ядерное оружие, ядерный взрыв
Америка, США	18	2,02	Америка; Америка-освободитель; две противоборствующие силы, с одной стороны, блок, возглавляемый США, с другой — Россией; Китай-США; Китай-США-Россия; Россия и Америка; США; США и Россия; США против России
СМИ	18	2,02	Война СМИ, СМИ, СМИ рисует картину мира
Кровь	16	1,79	Бескровная, кровавость, кровь, хладнокровный
Страх	15	1,68	Страх, страшно
Политика	14	1,57	Политика, политики, политические игры, политические сражения
Бомба	13	1,46	Атомная бомба, бомба, бомбоубежище, водородная бомба, ядерные бомбы
Атом	12	1,35	Атомная война, атом, атомная бомба, атомная электростанция
Ложь	11	1,23	Ложная информация, ложные сведения, ложные ценности, ложь
Мир	11	1,23	Война за мир, мир, мировая война, можно мирно, передел мира, перемирие, полисный мир, угроза мировому порядку, уничтожение мирного населения, язва на теле мира
Разрушения	11	1,23	Разрушения, разрушенные города, разрушительная война, большие разрушения
Технологии	11	1,23	Война технологий, высокие технологии, компьютерные технологии, новые технологии, современные технологии, технологичная
Жертвы	10	1,12	Жертвы, жертвенность, много жертв, многочисленные жертвы
Жестокость	10	1,12	Жестокая, жестокость, невероятная жестокость
Люди	9	1,01	Злые люди, зомби-люди, зомбирование людей, люди, программирование людей, равнодушные к людям, тупые люди, убийство ни в чем не повинных людей
Россия	9	1,01	Две противоборствующие силы, с одной стороны, блок, возглавляемый США, с другой — Россией; Китай-США-Россия; Россия; Россия и Америка, сильное влияние России, США и Россия, США против России, фермерство в России
Убийства	9	1,01	Убийства, убийства ни в чем не повинных людей
Конфликт	8	0,90	Военный конфликт; конфликт; конфликт, охватывающий большинство стран; конфликты между странами
Холод	8	0,90	Вечный холод, холодная война, хладнокровный, холод
Взрыв	7	0,78	Большой взрыв, взрывы, ядерный взрыв

Группа ассоциаций	Количество повторений, ед.	Процентное соотношение с общим количеством ассоциаций (892 ед.),%	Ассоциации, вошедшие в группу
Борьба	6	0,67	Борьба, борьба двух сверхдержав посредством других государств, борьба за право быть лидером, борьба между странами
Дети	6	0,67	Дети, детдом
Жизнь	6	0,67	Жизнь, конец обычной мирной жизни, ничего живого, утрата ценности жизни, лучше жить
Страдание	6	0,67	Страдание, страдание невинных
США/РФ	6	0,67	Две противоборствующие силы, с одной стороны, блок, возглавляемый США, с другой — Россией; Ктиай-США-Россия; Россия и Америка; США и Россия; США против России
Химия	6	0,67	Химия, химическое оружие, химическая война
Безумие	5	0,56	Безумие, безумная улыбка
Гибель	5	0,56	Гибель, гибель всего живого, гибель невинных
Компьютер	5	0,56	Компьютер, компьютерные игры, компьютерные технологии
Лидер	5	0,56	Борьба за право быть лидером среди других; война не за территорию, а за лидерство; лидер; лидерство; КНР как лидер
Народ	5	0,56	Международные отношения, народы, братские народы, уничтожение мирного народа
Новости	5	0,56	Новости, новостная война
ТВ	5	0,56	ТВ, телевидение, телевизор
Экономический	5	0,56	Экономика, экономическая война, экономические карусели, экономический кризис, экономический спад

ми не столько те, кто ее развязывает и ведет, сколько те, кто вынужден в ней участвовать, вынужден на себе испытывать ее воздействие. Примечательно, что от современной войны в большей степени страдают дети, а не взрослые.

Атрибуты современной войны: смерть (23), *боль* (14), *кровь* (14), *убийства* (8), *ложь* (8), *насилие* (8), *разрушения* (8), *голод* (7), *жестокость* (7), *страдание* (5), *слезы* (5). Среди атрибутов, явлений, сопутствующих современной войне, наиболее частотным является ассоциация «смерть» — лидер по частотности среди всех ассоциаций. Большая часть представленных в данной группе ассоциаций связана с вредом, наносимым человеку. Такие ассоциации можно разделить на две подгруппы: во-первых, связанные с тем, кому этот вред наносится; во-вторых, с теми, кто вред причиняет. В первой подгруппе следующие понятия: смерть, боль, кровь, голод,

страдание, слезы (всего 45 упоминаний); во второй — убийства, насилие, жестокость (23). В количественном отношении первая подгруппа фактически в два раза превосходит вторую, что еще раз указывает на важность в современной войне не активных ее участников, а жертв, на которых оказывается основное воздействие (см. пункт «участники современной войны»). Не связанными напрямую с нанесением вреда человеку являются две ассоциации — «разрушения» и «ложь». Ассоциация «разрушение» может свидетельствовать о том, что в первую очередь ущерб во время современной войны наносится непосредственно человеку, разрушения городов, каких-либо объектов не столь важны, что отражается в соотношении частоты встречаемости ассоциаций, относящихся к человеку, и ассоциации «разрушения», — 68 к 8-ми. Понятие «ложь» указывает на характер ведения современной войны, это не открытые

честные сражения, напротив — современная война основана на обмане, искажении.

Оценочные характеристики современной войны: **страх** (14), **глупость** (9), **ужас** (5). Современная война оценивается студентами исключительно негативно, причем, ими используются весьма сильные характеристики — страх, ужас. Современная война не только внушает страх, но и не находит одобрения среди респондентов, она оценивается как глупость, то есть нелогичность, несоответствие здравому смыслу. Сходными по значению являются менее частотные ассоциации «бред», «абсурдность» и т. п.

Далее проделаем подобную работу с ассоциациями, представленными в табл. 2., вероятно, она расширит и уточнит смысловые группы, выделенные на основании анализа данных из табл. 1.

Объединение отдельных ассоциаций в группы, с одной стороны, позволяет уточнить понимание респондентами современной войны, но с другой стороны, некоторые моменты оказываются обобщены и не поддаются детализации. Это касается таких ассоциаций, как «информация», «холод», «ядерный» и т. п., вобравших в себя отдельные характеристики исследуемого феномена, такие как, к примеру, «ядерный взрыв», «ядерная зима», «ядерное оружие» и др. Следовательно, не все из выделенных прежде смысловых групп могут быть рассмотрены на основании данных, представленных в табл. 2. В частности, это касается группы «тип войны», поскольку характеристики, служащие наименованиями типов войн (холодная, информационная, ядерная, атомная, химическая), вошли в укрупненные ассоциации — «холод», «информация», «ядерный», «атомный», «химия». Следовательно, ниже они будут представлены в других смысловых группах.

Средства ведения современной войны: **информация** (38), **оружие** (28), **ядерный** (23), **СМИ** (18), **бомба** (13), **атом** (12), **технологии** (11), **взрыв** (7), **химия** (6), **новости** (5), **ком-**

пьютер (5), **ТВ** (5). В рамках рассмотрения данной смысловой группы необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, средства ведения современной войны могут быть разделены на две подгруппы — связанные с оружием, вооружением в традиционном их понимании (ядерный, бомба, атом, взрыв, химия); связанные с ведением нового типа войн — информационных (информация, СМИ, новости, компьютер, ТВ). Количество ассоциаций второй подгруппы численно превосходит показатели первой (71 к 61), и это при том, что в первой подгруппе собраны ассоциации, касающиеся разных типов войн, во второй — только информационной. Следовательно, все же именно информационная война в большей степени понимается как современная война. Во-вторых, рассмотрение ассоциаций из первой группы позволяет отметить, что ведение контактных боев, когда воины встречаются лицом к лицу, перестало быть актуальным в наше время. Современная война — это применение бомб, химического и ядерного оружия. В-третьих, ассоциации из второй подгруппы позволили уточнить источник информации как средства ведения современной войны: это не только упоминавшийся ранее Интернет, но также телевидение; новости в целом, без привязки к носителю.

Образ действий, характеризующий современную войну: **политика** (14), **конфликт** (8), **борьба** (6), **экономический** (5). Расширение аналогичной группы, представленной на основании данных табл. 1, произошло за счет ассоциаций «борьба» и «экономический». Борьба может указывать на то, что конфликтность в современных войнах чаще не снимается, но напротив, перерастает в затянувшуюся борьбу. «Экономический» может являться характеристикой как конфликта, так и принимаемых сторонами санкций.

Наименования государств: **Америка (США)** (18), **Россия** (9), **США–Россия** (6). Данная смысловая группа позволила понять, какие страны наибольшим образом

в представлениях респондентов соотносятся с современной войной, это США и Россия. Причем, в ряде случаев напрямую указывается на противостояние этих государств — «США против России». Интересно, что США по количеству упоминаний во всех возможных вариациях сравнялись с частотностью ассоциации «Украина». Нельзя не связать такие численные показатели и противостояние США и России. Эти факторы свидетельствуют о том, что современная война ведется между двумя странами, США и Россией, за третье государство — Украину. Третьей стороной, втянутой в отношения США и России, является Китай, но его роль в событиях вокруг Украины менее значима, с точки зрения студенческой аудитории.

Участники современной войны: жертвы (10), *люди* (9), *дети* (6), *народ* (5), *лидер* (5). По отношению к ассоциациям, собранным в данной смысловой группе, стоит отметить, что роль лидера весьма не велика по сравнению со значением других акторов.

Атрибуты современной войны: смерть (27), *кровь* (16), *разрушения* (11), *ложь* (11), *жестокость* (10), *убийства* (9), *страдание* (6), *холод* (8), *гибель* (5). Расширение аналогичной смысловой группы ассоциаций на основе данных табл. 1 произошло за счет понятий «холод» и «гибель». «Гибель» лишь увеличивает количество ассоциаций, связанных с подверженностью воздействий войны. «Холод», с одной стороны, является определением для одного из возможных типов современной войны — холодная, что указывает на время, с которым респонденты связывают появление нового, современного типа войн, — вторая половина XX века. С другой, это еще одна негативная ассоциация, характеризующая современную войну наряду с темнотой, пылью и проч.

Оценочные характеристики современной войны: страх (15), *безумие* (5). Расширение данной смысловой группы произошло за счет понятия «безумие», которое также свидетель-

ствует о неодобрении респондентами современной войны, как и ассоциация «глупость», но только в еще более сильной форме.

Феномены, на которые посягает современная война: мир (11), *жизнь* (6). Без обращения к фразам, составными частями которых являются обозначенные понятия, можно было бы объединить их в группу «Феномены, противостоящие современной войне». Но практически все примеры их употребления («угроза мировому порядку», «язва на теле мира», «передел мира», «конец жизни», «ничего живого» и др.) указывают на то, что жизнь и мир — то, на что в первую очередь воздействует современная война.

Подводя итоги, можно перечислить наиболее важные характеристики современной войны, обнаруженные в ходе проведения ассоциативного эксперимента. Первая современная война в понимании студенческой аудитории — Холодная война, война второй половины XX века. Ее основными участниками были США и СССР, в настоящее время наиболее часто ассоциируются с современной войной те же государства — США и Россия, наследовавшая Советскому Союзу. Не уступает по частоте упоминаний США Украина, на территории которой и ведется в настоящее время современная война. Стоит отметить, что если страны-участницы войны респондентами обозначены, то лидеры этих стран оказываются не столь значимыми: Б. Обама, В. Путин, А. Яценюк, А. Порошенко, Дж. Псаки упоминаются значительно реже, единично. В целом, наблюдается отсутствие одушевленных активистов современной войны: солдаты, генералы, воины упоминаются студентами нечасто. Внимание оказывается сконцентрировано на страдающей стороне — на жертвах: людях, народах, а главное — на детях. Скрытость, завуалированность образов агрессоров, активных участников современной войны можно связать с типами войн, с которыми наиболее тесно ассоциируют современную войну, и со средствами

ее ведения. Так, современная война, прежде всего, это война информационная, ее ведение осуществляется посредством СМИ, Интернета, новостей, телевидения. На втором месте по популярности среди типов войн — ядерная (атомная) с присущими ей взрывами, бомбами, ядерной зимой и др. Обе названные разновидности современной войны сви-

детельствуют, что контактные бои, лицом к лицу, перестали быть актуальными, современная война ведется иными средствами. В частности, средствами, которые на протяжении большей части XX века нельзя было помыслить в качестве оружия, — образами, транслируемыми телевизором и компьютером.

Библиография

1. Акопов Г. Л. Феномен информационных войн в сети ИНТЕРНЕТ и его воздействие на современную политику // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 1. С. 86–102.
2. Антюшин С. С. Современную войну не выиграть. Наша задача — ее предотвратить // Безопасность Евразии. 2014. № 1 (47). С. 97–108.
3. Батай Ж. Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006.
4. Бондаренко Т. А. Стереотип восприятия правоохранительных органов в Дальневосточном регионе // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 99–103.
5. Буренок В. М. Базис следующего поколения войн // Вестник Академии военных наук. 2011. № 3 (36). С. 32–37.
6. Война. Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0>
7. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы философии. М., 2001. № 1. С. 35–47.
8. Еляков А. Д. Информационные технологии и современная война // Свободная мысль. 2008. № 1. С. 181–194.
9. Замараева Ю. С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX — начале XXI века // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 649.
10. Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2003. № 2. Режим доступа к статье: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html>
11. Карлова О. А., Копцева Н. П., Кирко В. И., Резникова К. В., Замараева Ю. С., Сертакова Е. А., Кистова А. В., Москвию Ю. Н., Викторук Е. А., Викторук Е. Н., Тарасова М. В., Комарицы С. Г., Павлова И. П., Павлов П. А., Шишацкий Н. Г., Невзоров В. Н. Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения. Красноярск, 2013.
12. Кеннет Уолтц. США ждет медленный упадок. Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: http://www.geopolitica.ru/article/kennet-uoltc-ssha-zhdet-medlennyu-upadok#.VDASWWd_uSq
13. Кистова А. В. Этнографический метод в социально-гуманитарных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 900.
14. Ковалева Л. В. Национальное своеобразие языковой объективизации концептов, выражаемых фразеосочетаниями, обозначающими реалии окружающей среды // Вестник Воронежского государственного университета. 2004, № 1. С. 54–60.
15. Колесник М. А. Специфика понимания слова «Родина» студентами Сибирского федерального университета // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 648.

16. Копцева Н. П. Культурологическая база формирования общенациональной российской идентичности в сибирских регионах Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3. С. 11–15.
17. Копцева Н. П., Кирко В. И. Этнические характеристики и их аналитика в современных культурных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 793.
18. Красова, Е. Специфика ассоциативного эксперимента в исследовании образов политиков // Научно-культурологический журнал. 2010. № 13. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2706&level1=main&level2=articles>
19. Либакова Н. М. Модификации гендерных образов в российской культуре конца XIX — начала XXI века. Диссертация кандидата философских наук. Красноярск, 2011.
20. Лузан В. С. Значение культурной политики в развитии института государственности // Социогуманитарный вестник. 2010. № 1 (4). С. 145–148.
21. Люткене Г. В. Современные концепции войны. Диссертация кандидата политических наук. М., 2011.
22. Минеев В. В. Уход из жизни: социально-философский ракурс. — М.: Директ-Медиа, 2014
23. Назаров А. И., Соколов Р. В. Ассоциация и ассоциативный эксперимент: разные судьбы // Вопросы психологии. 2007, № 4. С. 125–138.
24. Неретина С. С. Тропы и концепты. Электронный ресурс. Режим доступа к монографии: http://politheory.narod.ru/Neretina/Tropes_and_concepts/1.htm
25. Никишина И. Ю. Выражение концепта гнев в современной английской и американской художественной литературе. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. М., 2008.
26. Палкин А. Д. Ассоциативный эксперимент как способ кросс-культурного исследования образов сознания // Вопросы психологии. 2008, № 4. С. 81–89.
27. Попова Т. В. Ассоциативный эксперимент в психологии: учебное пособие М.: Флинта: МПСИ, 2006.
28. Паутова, Л. А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2007. № 24. С. 149–168.
29. Речь папы римского Франциска 13 сентября 2014 г. Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2014/09/140913_rn_pope_third_world_war.shtml?ocid=socialflow_facebook
30. Рогозин Д. О., Данилевич А. А., Лоскутов Д. В., Рогозин А. Д., Рогозин О. К., Семин В. В. Война и мир в терминах и определения. Военно-политический словарь. Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: <http://www.voina-i-mir.ru/>
31. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Часть I / Ю. Н. Караулов [и др.]. М.: Помовский и партнеры, 1994.
32. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Кн. 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Часть I / Ю. Н. Караулов [и др.]. М.: ИРЯ РАН, — 1994.
33. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Часть II / Ю. Н. Караулов [и др.]. М.: ИРЯ РАН, — 1996.

34. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. кн. 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Часть II / Ю.Н. Караулов [и др.] .— М.: ИРЯ РАН,— 1996.
35. Семенова А. А. Модификации древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века (методологический аспект). Диссертация кандидата философских наук. Красноярск, 2009.
36. Сертакова Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С.999.
37. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации М.: Языки славянских культур, 2007.
38. Тоффлер Э. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться? Как выжить на рассвете XXI века? М.: АСТ. Транзиткнига, 2005.
39. Ученые: шимпанзе — природные убийцы. Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: http://www.bbc.co.uk/russian/science/2014/09/140918_chimp_killers.shtml
40. Харрингтон С. Столкновение цивилизаций? Электронный ресурс. Режим доступа к ресурсу: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>. Дата размещения: 20.01.2007.
41. Юнг, К.Г. Тавистокские лекции. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269062729
42. Bouthoul, Gaston: «L'infanticide différé» (deferred infanticide), Paris 1970.
43. Davydov A. A Theory of Correspondence of Proportions and Functions in Social Systems // Journal of the Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 1 (2008) 39–44.
44. Egorychev I. E. Anent the Phenomenology of Sense // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2008 1) 328–337.
45. Goldstone, Jack A.: «Revolution and Rebellion in the Early Modern World», Berkeley 1991.
46. Gunnar Heinsohn. Sünde und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, Orell Füssli, Zürich, 2003.
47. Holsti K. J. 1996. The State, War, and the State of War. New York: Cambridge Univ.Press. 254 pp.
48. Elstain J. B. Women and War. New York: Basic Books 1987. 288 pp.
49. Enloe C. 1990. Bananas, Beaches and Bases. Berkeley: Univ. Calif. Press, 100-. 244 pp.
50. Ilbeykina M. I. Civilizational Orientation of the Population of the United Krasnoyarsk Krai: 15 to 60 Years of Age Residents of Krasnoyarsk City // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6 (2011 4) 846–864.
51. Kistova A. V., Kushnareva A. Forming All-Russian National Identity in the Process of Artistic Image Development. Analysis of the Artistic Painting by Vasily Ivanovich Surikov «Boyarinya Morozova» // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 12 (2011 4) 1669–1683.
52. Koptseva N. P., Reznikova K. V. Selection of Methodological Principles for Actual Research on Culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2009 2) 491–506.
53. Levy J. S. The causes of war and the conditions of peace. Annu. Rev. Polit. Sci. 1998. 1: 141p.
54. Levy J. S. War in the Modern Great Power System, 1495.1975. Lexington: Univ. Press Kentucky. 215 pp
55. Libakova N. M. Specifics of the Category of «Gender» in the Modern Krasnoyarsk Culture: Results of the Association Experiment According to the Methodology «Thematic Associations Series» // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5 (2010 3) 727–746.

56. Peterson V. S. 1992. *Gendered States*. Boulder, CO: Lynne Rienner. 1992. 225 pp.
57. Pivovarov D. V. Objective and Subjective Religiousness // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2 (2008 1) 250–252.
58. Rasler KA, Thompson WR. 1994. *The Great Powers and Global Struggle, 1490.1990*. Lexington: Univ. Press Kentucky. 275 pp.
59. Richard A. Gabriel. *No More Heroes: Madness and Psychiatry In War*. Hill and Wang; Reissue edition, 1988.
60. Semyonova A. A. «Concept» Notion as the Base of Contemporary Culture Studies // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2 (2009 2) 234–246.
61. Semyonova A. A. The Concept «State» in Local Culture of Krasnoyarsk: the Results of an Associative Experiment Based on the Method «Series of Thematic Associations» // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 11 (2011 4) 1526–1542.
62. Sertakova E. A., Gerasimova A. A. Formation of the Russian Siberian Identity in the Wood Engravings of the Krasnoyarsk Craftsmen // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 12 (2011 4) 1719–1726.
63. Singer J. D., Small M. *The Wages of War, 1816. 1965: A Statistical Handbook*. New York: Wiley. 1972. 419 pp.
64. Sinetskiy S. B. Post-Modernism and Cultural Policy // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 4 (2008 1) 486–491.
65. Sylvester C. *Feminist Theory and International Relations in a Postmodern Era*. New York: Cambridge Univ. Press, 1994. 265 pp.
66. Tsvetova N. S. Orthodoxy Eshatological and National Understanding // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 4 (2008 1) 531–538.
67. Vasques J. A. *The War Puzzle Revisited*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
68. Waltz K. N. 1988. The origins of war in neorealist theory. *J. Interdiscip. Hist.* 18.
69. Алейников А. В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья 1. // *NB: Проблемы общества и политики*. — 2013. — 7. — С. 94–140. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html
70. Алейников А. В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья II. // *NB: Проблемы общества и политики*. — 2013. — 8. — С. 1–47. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.8.5109. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_5109.html
71. Урсул А. Д. Обеспечение национальной безопасности через приоритеты устойчивого развития // *NB: Национальная безопасность*. — 2013. — 1. — С. 1–61. DOI: 10.7256/2306–0417.2013.1.325. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_325.html
72. Опалев А. В. Правовое обеспечение национальной безопасности: объект, предмет и задачи // *Национальная безопасность / nota bene*. — 2014. — 2. — С. 244–250. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.11295.
73. Копцева Н. П. К вопросу о концептуальных основаниях строительства общенационального российского государства // *NB: Проблемы общества и политики*. — 2014. — 1. — С. 1–14. DOI: 10.7256/2306–0158.2014.1.10928. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10928.html
74. Сергунин А. А. КОНЦЕПТ «ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» И ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ // *NB: Национальная безопасность*. — 2012. — 2. — С. 119–140. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_183.html
75. Урсул А. Д. Право устойчивого развития: концептуально-методологические проблемы

- становления // NB: Вопросы права и политики. — 2013. — 6. — С. 63–134. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.6.2309. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_2309.html
76. А. А. Косоруков Основные детерминанты процесса принятия внешнеполитических решений // Национальная безопасность / nota bene. — 2012. — 4. — С. 29–46.
77. Шабунова А. А., Калачикова О. Н., Егоров В. К. Социально-демографические проблемы национальной безопасности // NB: Национальная безопасность. — 2014. — 3. — С. 158–205. DOI: 10.7256/2306–0417.2014.3.13085. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_13085.html
78. Щупленков О. В. Методологические аспекты национальной безопасности России // NB: Национальная безопасность. — 2014. — 2. — С. 60–110. DOI: 10.7256/2306–0417.2014.2.11662. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_11662.html
79. А. В. Васильев Национальная идея как фактор сплочения российского народа // Политика и Общество. — 2011. — 11. — С. 4–10.

References (transliterated)

1. Akopov G. L. Fenomen informatsionnykh voyn v seti INTERNET i ego vozdeistvie na sovremennuyu politiku // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2011. № 1. S. 86–102.
2. Antyushin S. S. Sovremennuyu voynu ne vyigrat». Nasha zadacha — ee predotvratit» // Bezopasnost» Evrazii. 2014. № 1 (47). S. 97–108.
3. Batai Zh. Proklyataya chast». M.: Ladomir, 2006.
4. Bondarenko T. A. Stereotip vospriyatiya pravookhranitel'nykh organov v Dal'nevostochnom regione // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2006. № 1. S. 99–103.
5. Burenok V. M. Bazis sleduyushchego pokoleniya voyn // Vestnik Akademii voennykh nauk. 2011. № 3 (36). S. 32–37.
6. Voina. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa k resursu: [tps://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0)
7. Dem'yankov V. Z. Ponyatie i kontsept v khudozhestvennoi literature i nauchnom yazyke // Voprosy filosofii. M., 2001. № 1. S. 35–47.
8. Elyakov A. D. Informatsionnye tekhnologii i sovremennaya voina // Svobodnaya mysl». 2008. № 1. S. 181–194.
9. Zamaraeva Yu. S. Osobennosti sotsiokul'turnykh transformatsii migratsionnykh protsessov v XX — nachale XXI veka // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 2. S. 649.
10. Zusman V. Kontsept v sisteme gumanitarnogo znaniya [Elektronnyi resurs] // Voprosy literatury. 2003. № 2. Rezhim dostupa k stat'e: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html>
11. Karlova O. A., Koptseva N. P., Kirko V. I., Reznikova K. V., Zamaraeva Yu. S., Sertakova E. A., Kistova A. V., Moskvuyu Yu. N., Viktoruk E. A., Viktoruk E. N., Tarasova M. V., Komaritsy S. G., Pavlova I. P., Pavlov P. A., Shishatskii N. G., Nevzorov V. N. Novoe budushchee Sibiri: ozhidaniya, vyzovy, resheniya. Krasnoyarsk, 2013.
12. Kennet Uolts. SShA zhdet medlennyy upadok. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa k resursu: http://www.geopolitica.ru/article/kennet-uolts-ssha-zhdet-medlennyy-upadok#VDASWwd_uSq
13. Kistova A. V. Etnograficheskii metod v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 6. S. 900.
14. Kovaleva L. V. Natsional'noe svoeobrazie yazykovoi ob'ektivizatsii kontseptov, vyrazhaemykh frazeosochetaniyami, oboznachayushchimi realii okruzhayushchei sredy // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004, № 1. S. 54–60.

15. Kolesnik M. A. Spetsifika ponimaniya slova «Rodina» studentami Sibirskogo federal'nogo universiteta // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014. № 2. S. 648.
16. Koptseva N. P. Kul'turologicheskaya baza formirovaniya obshchenatsional'noi rossiiskoi identichnosti v sibirskikh regionakh Rossiiskoi Federatsii // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 2012. № 3. S. 11–15.
17. Koptseva N. P., Kirko V. I. Etnicheskie kharakteristiki i ikh analitika v sovremennykh kul'turnykh issledovaniyakh // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014. № 3. S. 793.
18. Krasova, E. Spetsifika assotsiativnogo eksperimenta v issledovanii obrazov politikov // *Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal*. 2010. № 13. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2706&level1=main&level2=articles>
19. Libakova N. M. Modifikatsii gendernykh obrazov v rossiiskoi kul'ture kontsa XIX — nachala XXI veka. Dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. Krasnoyarsk, 2011.
20. Luzan V. S. Znachenie kul'turnoi politiki v razvitii instituta gosudarstvennosti // *Sotsiogumanitarnyi vestnik*. 2010. № 1 (4). S. 145–148.
21. Lyutkene G. V. *Sovremennye kontseptsii voiny*. Dissertatsiya kandidata politicheskikh nauk. M., 2011.
22. Mineev V. V. *Ukhod iz zhizni: sotsial'no-filosofskii rakurs*. — M.: Direkt-Media, 2014
23. Nazarov A. I., Sokolov R. V. Assotsiatsiya i assotsiativnyi eksperiment: raznye sud'by // *Voprosy psikhologii*. 2007, № 4. S. 125–138.
24. Neretina S. S. Tropy i kontsepty. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa k monografii: http://polittheory.narod.ru/Neretina/Tropes_and_concepts/1.htm
25. Nikishina I. Yu. Vyrashtenie kontsepta gnev v sovremennoi angliiskoi i amerikanskoi khudozhestvennoi literature. Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk. M., 2008.
26. Palkin A. D. Assotsiativnyi eksperiment kak sposob kross-kul'turnogo issledovaniya obrazov soznaniya // *Voprosy psikhologii*. 2008, № 4. S. 81–89.
27. Popova T. V. *Assotsiativnyi eksperiment v psikhologii: uchebnoe posobie* M.: Flinta: MPSI, 2006.
28. Pautova, L. A. *Assotsiativnyi eksperiment: opyt sotsiologicheskogo primeneniya* // *Sotsiologiya: metodologiya, metody i matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4M)*. 2007. № 24. S. 149–168.
29. Rech» papy rimskogo Frantsiska 13 sentyabrya 2014 g. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa k resursu: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2014/09/140913_rn_pope_third_world_war.shtml?ocid=socialflow_facebook
30. Rogozin D. O., Danilevich A. A., Loskutov D. V., Rogozin A. D., Rogozin O. K., Semin V. V. *Voina i mir v terminakh i opredeleniya. Voенно-politicheskii slovar*». Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa k resursu: <http://www.voina-i-mir.ru/>
31. *Russkii assotsiativnyi slovar*». *Assotsiativnyi tezaurus sovremennogo russkogo yazyka*. Kn. 1. *Pryamoi slovar': ot stimula k reaktsii. Chast' I* / Yu. N. Karaulov [i dr.]. M.: Pomovskii i partnery, 1994.
32. *Russkii assotsiativnyi slovar*». *Assotsiativnyi tezaurus sovremennogo russkogo yazyka*. Kn. 2. *Obratnyi slovar': ot reaktsii k stimulu. Chast' I* / Yu. N. Karaulov [i dr.]. M.: IRYa RAN, — 1994.
33. *Russkii assotsiativnyi slovar*». *Assotsiativnyi tezaurus sovremennogo russkogo yazyka*. Kn. 3. *Pryamoi slovar': ot stimula k reaktsii. Chast' II* / Yu. N. Karaulov [i dr.]. M.: IRYa RAN, — 1996.

34. Russkii assotsiativnyi slovar». Assotsiativnyi tezaurus sovremennogo russkogo yazyka. kn. 4. Obratnyi slovar': ot reaktsii k stimulu. Chast» II / Yu.N. Karaulov [i dr.] .— M.: IRYa RAN,— 1996.
35. Semenova A. A. Modifikatsii drevnerusskogo kontsepta «gosudarstvo» v rossiiskoi kul'ture XXI veka (metodologicheskii aspekt). Dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. Krasnoyarsk, 2009.
36. Sertakova E. A. Sotsial'nyi konstruktivizm kak kontsepsiya konstruirovaniya etnosa // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013. № 6. S.999.
37. Stepanov Yu.S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007.
38. Toffler E. Voina i antivoina. Chto takoe voina i kak s nei borot'sya? Kak vyzhit» na rassвете XXI veka? M.: AST. Tranzitkniga, 2005.
39. Uchenye: shimpanze — prirodnye ubiitsy. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa k resursu: http://www.bbc.co.uk/russian/science/2014/09/140918_chimp_killers.shtml
40. Kharrington S. Stolknovenie tsivilizatsii? Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa k resursu: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>. Data razmeshcheniya: 20.01.2007.
41. Yung, K. G. Tavistokskie lektsii. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: http://www.gramotey.com/?open_file=1269062729
42. Bouthoul, Gaston: «L'infanticide différé» (deferred infanticide), Paris 1970.
43. Davydov A. A Theory of Correspondence of Proportions and Functions in Social Systems // *Journal of the Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 1 (2008) 39–44.
44. Egorychev I. E. Anent the Phenomenology of Sense // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 3 (2008 1) 328–337.
45. Goldstone, Jack A.: «Revolution and Rebellion in the Early Modern World», Berkeley 1991.
46. Gunnar Heinsohn. Sö hne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, Orell Fü ssli, Zü rich, 2003.
47. Holsti K. J. 1996. The State, War, and the State of War. New York: Cambridge Univ.Press. 254 pp.
48. Elshtain J. B. Women and War. New York: Basic Booksb 1987. 288 pp.
49. Enloe C. 1990. Bananas, Beaches and Bases. Berkeley: Univ. Calif. Press, 100-. 244 pp.
50. Ilbeykina M. I. Civilizational Orientation of the Population of the United Krasnoyarsk Krai: 15 to 60 Years of Age Residents of Krasnoyarsk City // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 6 (2011 4) 846–864.
51. Kistova A. V., Kushnareva A. Forming All-Russian National Identity in the Process of Artistic Image Development. Analysis of the Artistic Painting by Vasily Ivanovich Surikov «Boyarynya Morozova» // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 12 (2011 4) 1669–1683.
52. Koptseva N. P., Reznikova K. V. Selection of Methodological Principles for Actual Research on Culture // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 4 (2009 2) 491–506.
53. Levy J. S. The causes of war and the conditions of peace. *Annu. Rev. Polit. Sci.* 1998. 1: 141p.
54. Levy J. S. War in the Modern Great Power System, 1495.1975. Lexington: Univ. Press Kentucky. 215 pp
55. Libakova N. M. Specifics of the Category of «Gender» in the Modern Krasnoyarsk Culture: Results of the Association Experiment According to the Methodology «Thematic Associations Series» // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 5 (2010 3) 727–746.
56. Peterson V. S. 1992. Gendered States. Boulder, CO: Lynne Rienner. 1992. 225 pp.
57. Pivovarov D. V. Objective and Subjective Religiousness // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2 (2008 1) 250–252.

58. Rasler KA, Thompson WR. 1994. The Great Powers and Global Struggle, 1490.1990. Lexington: Univ. Press Kentucky. 275 pp.
59. Richard A. Gabriel. No More Heroes: Madness and Psychiatry In War. Hill and Wang; Reissue edition, 1988.
60. Semyonova A. A. «Concept» Notion as the Base of Contemporary Culture Studies // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2 (2009 2) 234–246.
61. Semyonova A. A. The Concept «State» in Local Culture of Krasnoyarsk: the Results of an Associative Experiment Based on the Method «Series of Thematic Associations» // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 11 (2011 4) 1526–1542.
62. Sertakova E. A., Gerasimova A. A. Formation of the Russian Siberian Identity in the Wood Engravings of the Krasnoyarsk Craftsmen // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 12 (2011 4) 1719–1726.
63. Singer J. D., Small M. The Wages of War, 1816. 1965: A Statistical Handbook. New York: Wiley. 1972. 419 pp.
64. Sinetskiy S. B. Post-Modernism and Cultural Policy // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2008 1) 486–491.
65. Sylvester C. Feminist Theory and International Relations in a Postmodern Era. New York: Cambridge Univ. Press, 1994. 265 pp.
66. Tsvetova N. S. Orthodoxy Eshatological and National Understanding // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2008 1) 531–538.
67. Vasques J. A. The War Puzzle Revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
68. Waltz K. N. 1988. The origins of war in neorealist theory. J. Interdiscip. Hist. 18.
69. Aleinikov A. V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya I. // NB: Problemy obshchestva i politiki. — 2013. — 7. — С. 94–140. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html
70. Aleinikov A. V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya II. // NB: Problemy obshchestva i politiki. — 2013. — 8. — С. 1–47. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.8.5109. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_5109.html
71. Ursul A. D. Obespechenie natsional'noi bezopasnosti cherez prioritety ustoichivogo razvitiya // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2013. — 1. — С. 1–61. DOI: 10.7256/2306–0417.2013.1.325. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_325.html
72. Opalev A. V. Pravovoe obespechenie natsional'noi bezopasnosti: ob'ekt, predmet i zadachi // Natsional'naya bezopasnost» / nota bene. — 2014. — 2. — С. 244–250. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.11295.
73. Koptseva N. P. K voprosu o kontseptual'nykh osnovaniyakh stroitel'stva obshchenatsional'nogo rossiiskogo gosudarstva // NB: Problemy obshchestva i politiki. — 2014. — 1. — С. 1–14. DOI: 10.7256/2306–0158.2014.1.10928. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10928.html
74. Sergunin A. A. KONTSEPT «VOENNAYa BEZOPASNOST'» I EVOLYUtsIYa VOENNO-POLITIChESKOGO MYShLENIYa POSTSOVETSKOI ROSSII // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2012. — 2. — С. 119–140. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_183.html
75. Ursul A. D. Pravo ustoichivogo razvitiya: kontseptual'no-metodologicheskie problemy stanovleniya // NB: Voprosy prava i politiki. — 2013. — 6. — С. 63–134. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.6.2309. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_2309.html
76. A. A. Kosorukov Osnovnye determinanty protsessa prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii // Natsional'naya bezopasnost» / nota bene. — 2012. — 4. — С. 29–46.

77. Shabunova A. A., Kalachikova O. N., Egorov V. K. Sotsial'no-demograficheskie problemy natsional'noi bezopasnosti // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2014. — 3. — С. 158–205. DOI: 10.7256/2306–0417.2014.3.13085. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_13085.html
78. Shchuplenkov O. V. Metodologicheskie aspekty natsional'noi bezopasnosti Rossii // NB: Natsional'naya bezopasnost». — 2014. — 2. — С. 60–110. DOI: 10.7256/2306–0417.2014.2.11662. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_11662.html
79. A. V. Vasil'ev Natsional'naya ideya kak faktor splocheniya rossiiskogo naroda // Politika i Obshchestvo. — 2011. — 11. — С. 4–10.